

Трудный путь к полнозвучию...

Самая первая публикация Александра Неверова (Скобелева) относится к 1906 году: в журнале «Вестник трезвости» был напечатан рассказ «Горе залили». Первые четыре года (в 1910 г. Неверов перебрался ближе к Самаре, а в 1918 г. обосновался там вместе с семьей) творчества начинающего писателя связаны непосредственно с нашим краем. Иного жизненного материала кроме того, что давала ему отчая земля, тогда у писателя не было, поэтому уделим внимание рассказам этого периода.

Место действия указывается далеко не везде, тем более – подлинное. Только в рассказе «Баба Иван» упоминается нынешнее Матюшкино да Старая Майна, а в остальных: Голое Поле, Дубково, Волчьи Колки, Липовка, Кривулино, Магаровка, Степная Кандаля, Налимово, Головтеево... Точное обозначение места действия для Неверова не имеет значения, потому что интерес его к данной точке земли социальный. Ни малые реки и речки, ни сама матушка-Волга в этих координатах не присутствуют. То же и город, хотя и не называется он прямо, но ясно: под этим знаком живет в прозе молодого Неверова не близкий Симбирск, а далекая Самара, губернский центр, там «...весело...там вечный праздник. И жизнь там – огромная лампа, где сгорают быстро, не чувствуя мук».

Безусловно, отчая земля для начинающего писателя – место обжитое и привычное, воспринимается обыденно, не дарит открытий и душевных озарений. Для того, чтобы увидеть эту степь и небо сердцем, нужно было их потерять или оставить хотя бы на время. Нужно было сравнить их с чем-то, как было с Гончаровым и Аксаковым.

Прибавьте к этому рано проснувшееся в Неверове стремление вырваться из привычного круга, и станет очевиден еще один источник монотонности его пейзажей, духовной их незаполненности. «В полдень душно. Накатывается облачко, но скоро развеивается, висит дымчатой паутиной. Воздух наливаются пылью, горьким раствором полыньника – дышать нечем» («На земле»).

Только со временем, из далекой Москвы, эта смена времен года, эта бесконечная степь, этот крестьянский дом начнут поворачиваться к Неверову не докучливой своей стороной, а вечностным содержанием, упорно противящемся враждебной суете людей, их взаимоистреблению. Эти эмоционально-нравственные пласты заволжских мест обнаружатся только в

Жил в начале века в наших краях писатель Александр Сергеевич Неверов, многие знают самую знаменитую его повесть «Ташкент – город хлебный». Умер он рано, прожил всего лишь 37 лет (1886-1923), но с именем его и творчеством до сих пор крепко связаны многие места ближнего Заволжья, теперешние Старомайнский и Чердаклинский районы: Новиковка, Озерки, Камышовка; а также Новый Письмерь Мелекесского района и сам Мелекесс. Загляните в книжку Селиванова «Литературный Симбирск-Ульяновск» – узнаете подробности. В Новиковке родился, в Озерках – учился, в Письмере и Камышовке – работал учителем, здесь же начал писать.

Жена Полина с детьми

«Ташкенте – городе хлебном» и романе «Гуси-лебеди».

Жизненный материал ранних рассказов Неверова – крестьянский и учительский быт. Тот и другой обжит писателем изнутри, однако и здесь настаивает очевидная неполнота. То ли следуя логике своих литературных предшественников, то ли идеологии народнического просветительства, писатель рисует крестьянскую жизнь устрашающе бездуховной, антиэстетичной. Зверское пьянство, изувеченные жены, испуганные, вечно голодные дети. «И не тил бы, да жизнь больно нескладная. Прости, господи, не суди темного человека», – молит Арефа в рассказе «Под песнь выюги». Жизнь мыслится как цепь неудач, начиная с факта рождения и кончая нелепыми смертями: «Везде несчастья, огорчения, и вся жизнь у Они, как длинная холстина, соткана из несчастий. Ни одного яркого рисунка, ни одной светлой ниточки. Баба каждый год приносит по ребенку. Он обязан кормить его, потому что отец. Сердится он на детей и на жену плодovitость... Недовольный человек дядя Она: ни женой, ни лошадей, ни существующими на свете порядками. Дети у него не умирают, лошадь не жеребится, ударить – лягается» («Преступники»). В этом ключе разворачиваются все рассказы Неверова о крестьянской жизни. Жизнь для его героев – не святыня, а проклятье, забыть о котором можно только в беспомысленности пьянства или в томительных мечтах о нечаянной удаче: «откуда придет такое «счастье» – об этом как-то не хотелось думать, да и не мог бы ответить Арефа на это».

В изображении Неверова крестьянская жизнь начисто лишена поэзии. Мало где встретишь песенную цитату, приметы календарного или религиозного обряда, а если и возникнет образ праздника, то исключительно как воспоминание детства, да и то в предсмертном бреду. В рассказе «Музыка» барышня из имения Клавденька вечером перед отъездом в гимназию играет на пианино, грустит от неизбежной разлуки и предстоящей неизвестности и в музыке хочет сказать о любви ко всем и всему: людям, земле, – «для них играет в последний раз». Однако музыка эта будит в стороже Парфене не ответное чувство грусти и приязни, а злобу. «А, больно Парфену! Словно молотком ударили по шее. Вытопталась в сердце у него глухая печаль, разгорелась звериная злоба. Другая музыка тешила разгневанное

Неверов - фельдшер в военном лазарете. Самара, 1916 год

сердце, резала кожу, поднимала выше, несла вперед. В щелки разметет Парфен барскую жизнь, кровью вымоет землю... Кошкой крадется Парфен вдоль стены, чиркает стичку».

У Неверова все крестьяне повинны в грехе отчужденности и ненавистничества. Язык этого греха читается по глазам и угадывается в мыслях. В рассказе «Егорка родился» главное событие обозначено в заголовке. Ребенку не рады, обыденно его крещение, в котором современного читателя пораживает одна деталь: «Когда стали волосы стричь Егорке, крестная взяла у кума маленькую прялочку. Оторвала вощинку от свечи, подержала шарик на руке, нерешительно бросила в купель. Вощинка легонько нырнула, вылипла наружу. Крестная разочарованно посмотрела в купель, на Егорку, на батюшку с дьяконом, обижено вздохнула: «Жить будет».

Утрачены корни родства с природным миром и связанная с этим поэзия, обесцениваются и рвутся узы родства отцов и детей, братьев и сестер. Странно ли, что Неверова при первых его публикациях обвиняли в незнании крестьянской жизни? Странно, если исходить из биографических данных. И не странно, если соотносить художественный мир его рассказов с реальным крестьянским бытом и с признаниями писателя: «Осенние деревенские вечера; осенние праздники, свадьбы, вечерки, девичьи посиделки, песни под гармонь – вся эта музыка коснулась как-то по особенному моей души, и я ушел в эту жизнь, в эту поэзию целиком».

Справедливее было бы говорить не о незнании крестьянской жизни, а о полуправде, диктуемой нравственно-дидактическими целями и традицией

очерка крестьянских нравов.

В этом же ключе изображает писатель уездное симбирское учительство, к которому принадлежал он сам, его жена. Неверовские герои-учителя так же томятся в духовной нищете отчужденности, как крестьяне – в нищете материальной. «Уехать, что ли, куда-нибудь... или уйти... А уехать и уйти не к кому и некуда», - думает восемнадцатилетняя учительница Катря. «В Линовке за семь верст учитель-алкоголик. Никуда не ездит сам и никого не принимает. По вечерам запирается, окна завешивает, чтобы не видели, и в мрачном одиночестве пьет до слез, до глухого проклятия... Был еще учитель в Гороховом, но теперь в тюрьме... второй год. На его месте человек незначительный, мелкий карьерист, пошляк и зануда».

Неверовские учительницы стареют к 25 годам, учителя спиваются. Девять лет, до двадцати девяти годов, дер-

Неверов с сестрой Александрой в Ставрополе, 1914 год

жался учитель Иван Петрович Стройкин, «человек тихий, кроткий, никому и никогда не сделавший зла». В его «мутных спокойных глазах всегда выражается одно: «Вы видите, господи, мне трудно, но я исполняю обязанности». Однако и Иван Петрович падает под ношей обыденности, и даже батюшка воспринимает это обстоятельство как неизбежность. «Иван Петрович лежал на полу вверх лицом, прикрытый одеялом, и руки его были сложены, как у покойника. На посиневшем лице застыла большая недоумевающая улыбка, а между бровей залегла толстая припухшая морщина... На другой день учитель опять не ходил в школу, занятий не было целую неделю».

Учительство героев Неверова – не душевная потребность, а скучная обя-

занность. Отсюда их внутренняя несвобода, скованность, отчужденность от детей, всей сельской жизни. Это не служение, а служба. Сил эта служба не прибавляет, а уносит их год за годом.

Духовное пространство рассказов об учителях оказывается очень узким, ограничивается житейскими подробностями. Попытка же оформить жизненный материал в модернистском стиле еще больше подчеркивают душевное бесплодие героев.

Опять ситуация полуправды, опровергаемая опытом самого Неверова: выйдя из тех же диких, злобных, беспомощных крестьян, какими он их рисует, став приходским учителем, он сумел сохранить как личность и даже подняться к творчеству. Значит, реальная жизнь содержала в себе не только одичание, но и духовно ценное. В позднем рассказе «Шкрабы» у героев-учителей, прозябающих в ужасающей нищете, просыпаются общественные инстинкты, и это сразу расширяет мир внутри и вокруг них.

Так выглядит наш край в ранних рассказах Неверова. Таковы его природные координаты, его люди, пастыри и паства. Трудности роста... Ребяческое доверие к авторитетам и недоверие к жизни и себе. Внутренняя несвобода и житейская нужда. Идея общественного служения литературы, ее учительской функции. Через все это прошел Неверов. А время в лице читателя давно выбрало то, что действительно дорогого у него стоит – «Ташкент...».

К радости непосредственного самовыражения в слове писатель шел семнадцать лет. Долго? Не очень, если соотносить с вечностью или хотя бы с веком. Долго, если вспомнить, что человеческого века дано было ему только тридцать семь лет.

Татьяна Швец

Неверов с вожжами, которые купил в подарок брату. Симбирск, 1923 год